

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: биография, личность писателя, автор биографический, автор – субъект сознания, автор концепированный, личность писателя, психология, литературный портрет.

Биографический метод – один из первых научных способов изучения литературы, разработанный в эпоху романтизма французским критиком, поэтом и писателем Шарлем Огюстеном Сент-Бёвом. Его деятельность как

Шарль Огюстен Сент-Бёв (Sainte-Beuve, 1804-1869) – французский критик, поэт, писатель. Известность получает после публикации поэтического сборника «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» (1829), в котором романтический подход проявляется в пристальном внимании к душевной жизни человека. Сент-Бёв – автор многочисленных критических статей, вошедших в сборники «Исторический и критический обзор французской поэзии и французского театра XVI века» (1828), «Литературно-критические портреты» (ч. 1-5, 1836-1839), «Шатобриан и его литературный круг в период Империи» (1861). В России к творчеству Сент-Бёва привлек внимание А.С. Пушкин, отметивший «сухую точность» его поэзии и влияние страстей на характер героя. Интерес к биографии художника – главная тема исследований Сент-Бёва, ставшего родоначальником первого в литературе научного метода.

Литература:

Сент-Бёв Ш.О. Литературные портреты. Критические очерки / Сост., вступ. статья, коммент. М. Трескунова. – М., 1970..

Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе. / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987.

литературного критика связана с развитием романтизма во Франции, в частности, с редакцией газеты «Глоб», выходящей с 1824 года. В биографическом методе **биография** и **личность писателя** рассматриваются как определяющие моменты творчества¹. В системе «литература» они ориентированы на отношение «автор – произведение», в котором «автор» – прежде всего живой, конкретный человек. «Литература, литературное творение, – признается Сент-Бёв, – неотделимы для меня от всего остального в человеке, от его натуры; я могу наслаждаться тем или иным произведением, но мне затруднительно судить о нем помимо моего знания о самом человеке; я бы сказал так: *«каково дерево, таковы и плоды»* (курсив – Ш.О. Сент-Бёв.) Вот почему изучение литературы совершенно естественным образом приводит меня к изучению **психологии**»².

Изучение психологии Сент-Бёв начинается, по возможности, со знакомства с живым человеком. Так, в мае 1839 года, возвращаясь морем из Италии во Францию, Сент-Бёв познакомился с Н.В. Гоголем. Позже он писал,

¹ См.: *Нефедов Н.Т.* Возникновение биографического метода // Н.Т. Нефедов. История зарубежной критики и литературоведения. – М., 1988. С. 116-118.

² *Сент-Бёв Ш.О.* Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987. С. 40.

что разговор с Гоголем «полный силы, отличающийся точностью и богатством наблюдений над нравами и фактами действительной жизни», помог ему «схватить на лету всю оригинальность и реализм его сочинений и назвать повесть «Тарас Бульба» русским эпосом, а Гоголя великим реалистом. От живого впечатления, при котором Сент-Бёв уловил характер наблюдений писателя над жизнью, критик переходит к определению метода его письма.

Понятно, не всякому случается побеседовать с автором, о котором он пишет исследование. В таком случае, по мысли Сент-Бёва, ему следует обратиться к архивным материалам, к документам, письмам, очевидцам жизни автора, к его биографии. В этом безбрежном море ушедших времен и событий завершённой человеческой жизни Сент-Бёв расставляет свои опорные пункты. Сент-Бёва неоднократно упрекали за субъективизм и отсутствие научной системы. Действительно, он не составил ее целостного изложения, не написал трактатов о том, как факт жизни становится фактом литературы. Лучшим пособием для изучения опыта Сент-Бёва надо признать чтение его литературных портретов, «медальонов»³. Именно в них содержатся советы Сент-Бёва сторонникам биографического метода, существование которого сам он считает непреложным фактом: «У меня есть метод... и хотя он не сразу явился в виде определенной теории, но сложился в процессе самой критической практики; длительное же применение лишь утвердило его в моих глазах»⁴.

Попробуем вслушаться в советы Сент-Бёва. Начать знакомство с автором он предлагает «с самого начала», с изучения родственников великого человека, с его отца, братьев, сестер и особенно с матери – «наиболее близкой и несомненной родственницы», а также с детей, потому что и в них проявляются те свойства, которые в великом писателе может скрывать его величие: «Сама природа облегчает анализ»⁵.

После того, как удалось собрать все возможные сведения о происхождении и единокровных близких художника, а также о его воспитании и образовании, Сент-Бёв советует познакомиться с тем первым окружением, с той группой друзей и современников, в которой очутился писатель в пору становления. Важное значение имеют также читаемые им книги, учителя и даже ученики. Самый их выбор многое скажет.

Но поскольку писатель, как и всякий человек, с возрастом меняется, Сент-Бёв по отношению к нему «задается известным числом вопросов, на которые исследователь должен ответить для самого себя «хотя бы чуть слышно», ибо без этого он не сможет быть уверенным, что знает своего автора всего целиком, если даже ему кажется, что вопросы эти не имеют отношения к сути его сочинений – Каковы были его религиозные взгляды? – Какое впечатление

³ Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987. С. 40.

⁴ *Сент-Бёв Ш.О.* Литературные портреты. Критические очерки / Сост., вступ. статья, коммент. М. Трескунова. – М., 1970. С. 41.

⁵ Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1987. С. 42; 46; 51.

производило на него зрелище природы? – Как он относился к женщинам, к деньгам? – Был ли он богат, беден? – Каков был его распорядок, повседневный образ жизни? и т.д. – наконец, каковы были его пороки или слабости? Ведь они есть у всякого». Любой ответ на эти вопросы представляется Сент-Бёву значимым для оценки литературного сочинения, в котором «личность писателя сказывается вся целиком».

Именно так рассматривает Сент-Бёв Корнеля, Лафонтена, Монтеня, Руссо и других французских авторов. В *литературном портрете* «Пьер Корнель» он в первую очередь ставит задачей распознать в его первом шедевре «общее состояние литературы», когда в нее вступает новый писатель, полученное им воспитание и особенности таланта, которым наделила его природа.

Далее следует характеристика первой половины XVII века, когда «внимание юного провинциала Корнеля» привлекали три громких имени, имена трех поэтов – Ронсара, Малерба и Теофиля, литературные споры о трех единствах, театральные обычаи и вкусы парижской публики.

Рассказ о суровом воспитании Корнеля, предназначенного отцом к судейской карьере, наложен на историю первой любви будущего автора «Сиды». В ней, по мысли Сент-Бёва, «уже раскрывается своеобразный характер этого человека. Простодушный, мягкий, застенчивый, робкий в речах, неловкий, но искренний и почтительный в любви», утратив надежду на взаимность, он женится через пятнадцать лет на другой и ведет «жизнь почтенного буржуа, ни разу не поддавшегося соблазнам и вольным нравам театральной среды, с которой ему приходится соприкасаться». Из свойства характера и обстоятельств жизни Корнеля Сент-Бёв выводит оценку женских образов драматурга – цельных и благородных, но несколько одномерных, поскольку «Корнель плохо знал женщин».

Истоки трагикомедии «Сид» Сент-Бёв обнаруживает и в случайном факте биографии Корнеля – встрече его с де Шалоном, бывшим секретарем королевы-матери, который перевел Корнелю несколько мест из испанского автора Гильена де Кастро, но более в особенности натуры Корнеля: «Честный, высоконравственный, привыкший ходить с гордо поднятой головой, он не мог не поддаться сразу же глубокому обаянию рыцарских героев этой доблестной нации»⁶. Отсюда ведет критик и проблематику «Сиды» и особенности «испанского жанра», который Корнель приспособливает к французскому вкусу XVII века.

В приведенных портретах анализ Сент-Бёва обращен на поиски «тайного звена», соединяющего два бытия художника – «новое, сверкающее, великолепное», проявляющее себя в художественном произведении, и «тусклое, замкнутое, скрытое от людских взоров, которое он предпочел бы навеки забыть»⁷. При этом условии, по мысли Сент-Бёва, исследователь может считать себя познавшим самую суть творчества писателя. Но так ли это?

⁶ Сент-Бёв Ш.О. Пьер Корнель. Литературные портреты... С. 55.

⁷ Сент-Бёв Ш.О. Пьер Корнель. Литературные портреты... С. 49.

В методе Сент-Бёва средоточием отношений реальности и традиций является *биографический автор*, а не *автор-субъект сознания*, *концептированный автор*, выражением которого предстает художественный текст.

Однако и «бесхитростная» описательность Сент-Бёва на поверку оказывается ходом, ведущим к значимому аналитическому пассажию. Обратимся еще к одному примеру – статье об «Исповеди» Руссо. Далекое не все в этой работе можно считать сегодня справедливым. В ней слышится отзвук голосов, обвинявших просветителей, и в том числе Руссо, во всех крайностях и последствиях Великой буржуазной революции. Сент-Бёв полагает, что исповедуясь перед всеми без христианского смирения, Руссо поступает как врач, увлекательно описывающий несведущим пациентам симптомы душевной болезни. Но новаторский характер «Исповеди» в статье подмечен точно, и сделано это опять-таки при помощи биографического метода. Из описаний родных Руссо, его жизни в мещанской швейцарской среде, из анализа известного эпизода о совместном чтении вместе с отцом оставшихся после смерти матери занимательных романов Сент-Бёв делает удивительный по тонкости вывод. Приведем цитату из Руссо, откомментированную Сент-Бёвом: «Вначале отец «всего навсего хотел научить меня грамоте на занимательных книжках; но вскоре я так приохотился к чтению, что мы стали с ним читать по очереди без передышки и проводили за этим занятием целые ночи. Мы никак не могли расстаться с романом, пока не дочитывали все до конца. Иногда отец, услышав, что уже щебечут ласточки, пристыжено говорил: *пойдем-ка спать, видно я не меньше ребенок, чем ты*».

Обратите внимание на эту ласточку – это первая ласточка, и она возвещает новую весну в языке; появляется она только у Руссо. Вместе с ним наш восемнадцатый век начинает чувствовать природу.

Точно так же именно Руссо первым в нашей литературе начинает чувствовать домашнюю жизнь, жизнь небогатых горожан, потаенную, сосредоточенную, в которой скапливается столько сокровищ добродетели и кротости»⁸.

То, что Сент-Бёв делает при помощи биографического метода, можно осуществить и по-иному, так, как написано во многих учебниках и статьях: вначале связать художественные открытия Руссо с сентиментализмом, в котором отразились настроения народных масс, не удовлетворенных официальным просвещением, затем изложить биографию и творческий путь Руссо, а при характеристике «Исповеди» подтвердить цитатами развитие у Руссо чувства природы и анализ внутреннего мира человека. Кому-то эта сухая схема, может быть, даже покажется предпочтительнее способа Сент-Бёва. Но насколько убедительнее «средствами искусства» приходит Сент-Бёв к выводам о роли Руссо как предтече французского романтизма! Сам автор говорит, что ему претят приемы лабораторного исследования или геометрическая схема. Его анализ «способен вызвать особое чувство

⁸ Сент-Бёв Ш.О. Литературные портреты... С. 330.

волнения» и только на первый взгляд субъективен. В основе биографического метода справедливое представление о том, что автор произведения – живой человек с неповторимой биографией, события которой влияют на его творчество, с собственными мыслями, чувствами и даже болезнями, живущий в свое время, что, естественно, определяет выбор тем и сюжетов его произведений. *Но личность писателя как творца не тождественна его произведению. Между тем у Сент-Бёва «творение в конечном счете оказывалось не целью, а средством познания»*⁹. Преувеличение роли биографического автора с неизбежностью ведет к субъективности исследования, к созданию импрессионистического портрета художника.

Однако в биографическом методе упрощается категория автора, в котором скрывается целая система. Автор биографический не равен автору художественному, концепированному. Кто определит, в какой мере эпилепсия с характерными для этой болезни симптомами «застреваемости» и «вязкости» определила стиль Флобера? Какое событие жизни Достоевского обусловило появление в его романах несчастных детей? Другое дело, что для пользования биографическим методом необходимы энциклопедические знания и интуиция. Воскликнуть, как Сент-Бёв: «Это первая ласточка» во французской литературе XVIII века!» – может лишь исследователь, основательно знакомый с этой литературой. И писать так, чтобы литературоведческая работа приближалась к художественному произведению, – тоже особый дар. Может быть поэтому биографический метод существует именно как метод, а не как научная школа. И все же у Сент-Бёва были талантливые продолжатели. Среди них первым стоит назвать Ипполита Тэна. *Биографический метод явился своего рода «приготовительной школой», повлиявшей на возникновение психологического подхода и фрейдизма.*

С использованием биографического метода могут строиться и современные исследования по компаративистике. Так, к примеру, сопоставление наследия Чосера и Толстого оказывается возможным не единственно по идейно-художественному типологическому признаку, но благодаря биографическому моменту «отречения», продиктованному в обоих случаях разочарованием в «суете житейской». То, что настроение кризиса давно известно в мировой культуре, и слова Екклесиаста о «суете сует» почти повторяются в «Исповеди» Толстого, не снимает необходимости искать переворот в самой душе художника. Описание духовного кризиса Толстого потребовало от автора работы «переосмысления его привычного образа жизни, и не только личной, в том числе семейной, но и нового отношения к тому, что до этого момента было главной целью сочинительству»¹⁰.

Советы основоположника биографического метода получили широкий отклик в зарубежном и отечественном литературоведении. На протяжении веков образ «биографического автора» обрастал подробностями его реальной

⁹ См.: Косиков Г.К. Современное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в.в. Трактаты. Статьи. Эссе. – М., 1987. С.13.

¹⁰ См.: Горбунов А.Н. Отречение: Чосер и Толстой // Лики времени. Сборник статей. – М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 26-31.

жизни от младенчества до смертного часа. И, как завещал Сент-Бёв, особая роль в академических и популярных штудиях всегда отводилась матери, оказывающейся непосредственной участницей творческого процесса. В школьном учебнике по литературе для учащихся 10 класса, например, так вспоминается о родителях Николая Алексеевича Некрасова, выросшего в Поволжье в поместье отставного офицера: «Сын безжалостного помещика, строго карававшего своих крепостных крестьян даже за мелкие провинности, пронес боль за простого человека через всю жизнь. Этим он обязан матери, Елене Андреевне, урожденной Закревской – дочери южнорусского помещика, служившего в Варшаве. Там она увлеклась не слишком молодым, но волевым и энергичным офицером. Быстро сыграли свадьбу, быстро яркое увлечение сменилось отнюдь не яркой, а иногда просто тягостной семейной жизнью, когда вспышки гнева мужа заставляли трепетать весь дом. А судьбу матери сын описал в одном из важнейших стихотворений начала своего творчества «Родина» (1846)». С образом матери автор главы связывает и всю проблематику творчества Некрасова, и структуру его личности («От отца он унаследовал независимость, от матери – тягу ко всему прекрасному и возвышенному»¹¹). Этот же «ход» повторяется и в других главах учебника. Л.Н. Толстой «не помнил матери, которая умерла, когда ему было полтора года, ...но одухотворенность и способности он унаследовал от матери, а жизнелюбие – от отца, Николая Ильича Толстого, участника войны 1812 года, после окончания компании разорившегося, женившегося на богатой невесте и занявшегося хозяйством, не желая служить ни в конце царствования Александра I, ни при Николае I по чувству собственного достоинства. Далее делается вывод, что Толстой воскресил характеры отца и матери в героях «Войны и мира»¹².

Элементы биографического метода всегда присутствовали при анализе творчества художников, особенно при анализе лирики, где авторское «Я» часто виделось читателю тождественным автору. Мысль Б.М. Эйхенбаума об авторе как живом историческом факте, который надо уметь разглядывать, в лирике особенно привлекательна. Лирический герой А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова или А.А. Ахматовой начинал жить как реальный человек, ущемляя традицию и историческую реальность. В результате встречи биографического и художественного автора появляется новая реальность. С этим материалом превосходно работали представители биографического метода и культурно-исторической школы.

Вопросы к теме:

1. На каких принципах строится биографический метод?
2. Как он соотносится с психологическим и культурно-историческим подходами?

¹¹ Федоров С.В. Н.А. Некрасов // Сквозь даль времен. Учебник по литературе второй половины XIX века для 10 класса. Ч. II / Под общей ред. чл.-корр. РАО В.Г. Маранцмана. – СПб., 1997. С. 5-6

¹² Маранцман В.Г. Л.Н. Толстой // Сквозь даль времен... С. 109, 379.

3. В чем сила и ограниченность биографического метода?
4. Какие звенья коммуникативной цепи можно исследовать с помощью биографического метода?